

Источник: Наше время
Дата выпуска: 25.06.2010
Номер выпуска: 223
Заглавие: Семья - оркестр
Автор: Марина Каминская

Каждому, кто любит раннюю лирику Цветаевой, знакомо имя адресатки стихотворного цикла "Подруга" Софии Парнок. Каждый, кто интересуется историей джаза, слышал хоть что-нибудь о Валентине Парнахе, его первом российском миссионере. Многие в детстве бывали, наверное, на спектаклях кукольного театра, где на афише стояло имя Елизаветы Тараховской.

Что объединяет эти имена? Эти трое талантливых людей, оставивших свой след в русской культуре, были связаны кровными узами: брат и две сестры, все — родом из Таганрога.

«Мой демон крутолобый» — так Цветаева называла в стихах Софью Парнок. А еще — юной трагической леди, незнакомкой с челом Бетховена, снежной королевой...

В музее таганрогской Мариинской гимназии — редкая фотография: Софья (выпускница) в ученическом платье, очень взрослая, не по годам серьезная.

Спрашиваю Марину Левашову, замдиректора гимназии по воспитательной работе, как могла бы сложиться судьба этой золотой медалистки, пожелай она остаться в родном городе. В ответ:

— Воспитанницы Мариинской гимназии имели право преподавать в церковно-приходской школе или, к примеру, могли остаться здесь — в качестве классных дам.

Софья выбрала иной путь: поехала в Швейцарию изучать юриспруденцию и совершенствоваться в игре на фортепиано.

Музыку она обожала. Музыкой ее стихов, их классической стройностью восхищалась молодая Цветаева. Ее завораживали строки Парнок, подобные этим:

*К чему узор расцветчивает пестро?
Нет упоения сильнее, чем в ритме.
Два акта перед бурным болеро
Пускай оркестр гремящий повторит мне.
Не поцелуй — предпоцелуйный миг,
Не музыка, а то, что перед нею, —
Яд предвкушений в кровь мою проник,
И загораюсь я и леденю.*

Их роман вспыхнул осенью 1914-го. Цветаевой только-только исполнилось 22 года, она была замужем за Эфроном. Парнок была семью годами старше, разведена.

Кипели страсти, звучали признания в любви, разыгрывались сцены ревности и, к счастью, яркими искрами из сего этого высекались стихи:

*Под лаской
плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? — Чья победа?
Кто побежден?*

Это, положенное на музыку стихотворение Цветаевой многие советские люди впервые услышали в 80-х годах, после того, как на экраны вышел фильм Эльдара Рязанова "Жестокий

романс". Впрочем, в то время и само имя Цветаевой было не на слуху. Имя Софьи Парнок, которой и адресовалось это стихотворение, — тем более.

Роман Цветаевой и Парнок продолжался два года. Говорили, что после разрыва Марина Софью возненавидела. Приятельница Цветаевой — Майя Кудашева-Роллан, пыталась объяснить ее ненависть тем, что это была страсть без духовного родства. Да так ли?

Раскроем воспоминания сестры Марины — Анастасии Цветаевой: "Необычайная сила сочувствия каждому огорчению рядом, способность войти в любую судьбу, все отдать". Прибавим к этому подробности, запечатленные поэтом Владиславом Ходасевичем: "Ее суждения были независимы, разговор прям". Поклонники Цветаевой скажут, что это, конечно же, о ней, о Марине Ивановне. Портрет ее души! Но — нет! Так Анастасия Цветаева и Ходасевич описывали не Марину, а Софью Парнок. Анастасия Цветаева еще сравнивала ее по силе воздействия на собеседника с симфоническим оркестром.

В Марине Цветаевой ощущалась не меньшая мощь. Два оркестра на двоих — не перебор ли?

Они не пытались реанимировать прошлое и будто бы старались даже не упоминать имен друг друга в разговоре, но стихи для обеих были выше личного. От стихов не отворачивались.

Считается, что именно Парнок в одной из своих статей в 1923 году (а она была не только поэтом, но и довольно известным литературным критиком) первой определила "большую четверку" новой русской поэзии: Мандельштам, Ахматова, Цветаева, Пастернак. Она всегда старалась быть объективным критиком.

Известна фраза, которой Марина Цветаева отозвалась на смерть бывшей возлюбленной: "Ну и что, что она умерла, не обязательно умирать, чтобы умереть".

Нередко в этих словах слышат отголосок былых обид. Но, думается, личное тут ни при чем. Цветаева была максималистка, всю свою жизнь она посвятила требованиям своего искусства. В экспериментах со словом, осмыслении эпохи она далеко ушла от той себя, какой была в 10-е годы. Парнок, на ее взгляд, видимо, осталась на том же месте. Где нет движения — нет жизни.

У Софьи Парнок были потом другие подруги. Ее последние дни скрашивала любившая ее Нина Веденеева (не лирик, а физик). Но есть свидетельства, что на тумбочке у кровати умирающей Парнок стояла фотография Цветаевой. Цветаевой адресовала она одни из последних своих поэтических строк.

...Случайное ли то совпадение или Цветаева и Парнок увидели бы в нем некий потаенный смысл, но земная жизнь обеих подруг оборвалась на 49-м году жизни, в последние дни августа.

Прощаясь с Парнок, неизменный ценитель ее творчества Ходасевич писал, что "ею было издано много книг, неизвестных широкой публике, — тем хуже для публики".

В наши дни не во всякой библиотеке, не в каждом книжном магазине отыщешь томик ее стихов. В этом смысле, по словам Марины Левашовой, таганрогская Мариинская гимназия — счастливое исключение. Тонкая, акварельная лирика Парнок звучит здесь на литературных вечерах, с ее творчеством можно познакомиться в библиотеке гимназии. И, верно, многие поэты из гимназического литературного объединения "Золотое перышко" не раз искали разгадку поэтической магии, склонившись над томиком стихов своей талантливой предшественницы.

К нам вернулся из Парижа

— Валентина Парнаха, младшего брата Софьи Парнок, иногда сравнивают с булгаковским Воландом, — говорит Марина Левашова. — В самом ли деле он был одним из

прототипов этого образа? Но что бесспорно: эксцентричный Валентин Яковлевич был ярким явлением своего времени.

Читающая публика сразу узнала Парнаха в образе Парнока — странного человечка, главного героя книги прозы Мандельштама "Египетская марка", уловила намек на него у Маяковского в пьесе "Клоп", там упоминался человек, который учил одних — стихам, других — танцам, а третьих — как деньги занимать.

Валентин Парнах, как и его сестра Софья, в известном смысле, был человек–оркестр . Она — симфонический, он — джаз-банд.

Кстати, о джазе. Эту музыку Парнах впервые услышал в 1921 году в Париже и сразу же почувствовал: вот оно, дыхание современности. Это он первым опубликовал статью, в которой было слово "джаз", а, вернувшись в Москву, создал первый в России "эксцентрический оркестр джаз-банд".

В Москве Парнах активно пропагандировал новую музыку. Он ошеломил публику, когда, как писал один из исследователей его творчества, "под аккомпанемент пианиста и ударника демонстрировал современную эстрадную хореографию rag-time, сочетавшую движения foxtrot и shimmy с пантомимой и гротескной механизацией танцующего тела".

Среди тех, кого увлекли эти показы, были будущие корифеи отечественного искусства: режиссеры Сергей Эйзенштейн и Григорий Козинцев, артисты Леонид Утесов и Игорь Ильинский.

Он вообще был интересен многим выдающимся людям своего времени: Мейерхольд пригласил его в свой театр хореографом, художники Наталья Гончарова и Михаил Ларионов предоставляли ему в Париже свой кров и иллюстрировали его стихи — изломанные и причудливые, его рисовал Пабло Пикассо.

Но Софье Парнок искания брата были чужды:

*Ты надрываешься, мой брат,
А я прислушиваюсь хмуро,
Не верю я в благой твой мат
С блистательной колоратурой.
Стыдливей мы на склоне лет,
И слух мучительно разборчив, —
Не верю в твой дремучий бред,
И в задыхания, и в корчи.*

Что ж, Софья Парнок была верна классической традиции. Конечно, ей не могло понравиться что-то навроде:

*Дрожь банджо, саксофонов банды.
Корчи. Карамба! Дребезжа,
Цимбалам жадные jazz-bанды
Фоножар.*

Вряд ли стоит подозревать Парнаха в лукавстве, когда он говорил, что его томила и мучила мысль об универсальном языке, созвучном современности, понятном каждому.

Но в русской литературе Парнах оставил свой след не собственными сочинениями, а переводами. Главной книгой его жизни называют сборник "Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции. Стихи, сцены из комедий, хроники, описания аутодафе, протоколы, обвинительные акты, приговоры". Все это он собрал, перевел, снабдил примечаниями. Тема была ему близка: ведь и его предки были из тех евреев, которые в средние века покинули свои дома на юге Европы, спасаясь от преследований инквизиции.

И если вы откроете томик стихов гениального Лорки, вы тоже обнаружите, что автор многих переводов (и, стало быть, почти соавтор) — Валентин Парнах.

Имя на афише

Юная Софья Парнок, чувствуя в себе пробуждающийся литературный дар, с горечью замечала: для того, чтобы выразить то, что хочет, не хватает образования. Разве что взяться за сказки? Но ей хотелось большего, чем сказки.

Зато ее младшей сестре Елизавете (они с Валентином были двойняшки) сочинение историй для детей представлялось вполне достойным занятием. Она писала стихи и для взрослых, но числили ее по литературному цеху детских писателей и поэтов.

Такие уж они были разные — Парнок — Парнахи. Разные и в творчестве, и в жизни.

Рассказывают, что Елизавету Яковлевну Тараховскую смущали и нетрадиционный образ жизни сестры, и эксцентричность брата. Ее вовсе не радовало, когда вспоминали, что она — ближайшая их родственница. На вопросы о Софье Парнок и Валентине Парнахе Елизавета Тараховская отвечала кратко и не очень охотно.

Она тоже училась в Мариинской гимназии, так что на экскурсиях по гимназии, которые устраивают для учеников, не забывают упомянуть и ее.

А на афише Ростовского театра кукол и сегодня можно встретить приглашение на спектакль "По щучьему велению". И рядом — имя автора пьесы — Елизавета Тараховская.

Я поинтересовалась в театре, давно ли он идет.

— С незапамятных времен, — ответили мне. — Прежний обветшал: декорации, костюмы недавно поменяли на новые, но текст оставили прежний — Тараховской. Это классика кукольного театра